

КИНО

ВОСЕМЬСОТ РОЛЕЙ
В ТЕАТРЕ И КИНО

ТЕАТР

Я — АКТЕР. И этим, по-моему, все сказано. Людям я интересен лишь постольку, поскольку интересны созданные мною образы. Ибо в них главное достоинство актера. Смотрите и сами судите, кто я такой, чего стою.

Меня часто спрашивают: легка профессия актера или тяжела? Мне кажется, что профессия актера, как и любая другая, может быть и трудной, и легкой. Все зависит от того, как ты к ней относишься. Приступая к своей работе, я испытываю ответственность ничуть не меньшую, чем хирург, берущий в руки скальпель: я соприкасаюсь с живыми людьми, пробуждаю их эмоции, вмещаюсь в их жизнь, проникаю в их чувства. Поэтому я не могу быть равнодушным к тому, какое влияние окажу на них, не могу легко относиться к своей профессии. Театр, как и любое искусство, не любит исполщиков и поденщиков.

Я не отношусь серьезно к тем актерам, которые утверждают, что им безразлично мнение зрителя. Я не понимаю, зачем они тогда пришли в театр, зачем они выбрали профессию актера. Нет, мне не все равно, как меня примет главный ценитель моего творчества. Но я против такой «популярности», когда артисту не дают спокойно пройти по улице, съест бифштекс или посмотреть баскетбольный матч. Это меня серьезно огорчает и сердит. Тем более что многие собиратели (и особенно собирательницы) популярных автографов часто не могут сказать, какую роль я сыграл.

Это, наверно, парадоксально, но спокойнее всего я чувствую себя в Паневежисе, где прошла вся моя творческая жизнь, где сыграл около 800 ролей, где вырос как актер. Здесь не ловят меня с блокнотами, не подкарауливают возле театра, не звонят по телефону среди ночи и даже не замечают на улице. Будто меня и нет здесь, хотя я знаю, что паневежцы вовсе не равнодушны к моему творчеству, к некоторым моим успехам. Выйдя на сцену, я это прекрасно чувствую по реакции зала. Здесь, очевидно, имела немалое значение та суровая и серьезная школа, которую прошел в нашем театре зритель. Не гонясь за легким успехом и дутой популярностью, наш театр всегда старался пробуждать эмоции серьезными (в творческом отношении) спектаклями.

С другой стороны, и внутренний склад Паневежского театра, его неписанные правила таковы, что здесь нет места для премьерства, исключительности. Поэтому я, позавчера сыгравший Давыдова, вчера — Йоргена Тесмана из «Геды Габлер», сегодня расхаживаю по сцене как безымянный прохожий или «издаю» за кулисами необходимые по ходу действия шумы. Эти правила обязательны для всех, и они дают хорошие плоды.

А теперь оставим ненадолго театр и перенесемся на съемочную площадку или в павильон. Там меня ждут на съемки фильма. Там, словно пушки к бою, готовят различную технику, которая зафиксирует малейшее движение твоей души, подчеркнет нужное и скроет ненужное. Ты торопишься туда...

Вчера поздно закончился спектакль. Ты два часа трясся в автобусе, спеши на вокзал или на аэродром. В вагоне или в самолете, махнув рукой на еду и сон, ты дословно заучивал текст, множество раз продумывал свою роль. Словом, серьезно готовился к завтрашней работе.

И вот ты в павильоне. Прибыл в срок, как указано в телеграмме. Минута в минуту ты уже готов приступить к работе. Но... приступить и

работе не можешь. Оказывается, кто-то не подготовил камеру, почему-то хрятит тоннаген, по разным инстанциям бегают директор фильма или режиссер и собирают нужные резолюции. Наконец все подготовлено, кажется, вот-вот прозвучит слово «мотор» — и ты... Но этого слова нет, хлопнула опущена... Не явился твой партнер по этой сцене. Снова ждешь, ругаешь безответственного коллегу, желаешь ему всего самого наихудшего... А ему, оказывается, неточно сообщили, он прибыл, не успев из-за недостатка времени выучить текст, продумать предстоящую сцену. Тебе чертовски жаль потерянного времени. Тебе жаль роли, от которой ты отказался в своем театре из-за этих съемок, тебе неудобно перед коллегами, перед режиссером. Наконец, и после команды «мотор» ты не чувствуешь себя уверенно. Появляются испорченные дубль, режиссеру вдруг не нравится сценарий, кто-то усомнился, на месте ли смысловой акцент твоей реплики...

Я тут так много наговорил о различных неполадках и недостатках, которые

психологией и другими науками. А главное — знакомится с нашими основными творческими принципами, непосредственно на сцене проверяют и закрепляют теоретические знания.

Говорят, театр устарел, отжил свой век. Мне кажется, что это напрасные разговоры. Тот театр, который существует сейчас, соответствует потребностям зрителей. Иное дело, что есть еще проблемы, которые им не решены. Какие же требования я поставил бы перед театром?

Театр — это, в первую очередь, дружный коллектив единомышленников, художников, стремящихся к единому идеалу, борющихся за него. Значит, актер — это не только человек, хорошо знающий свое дело, но и личность, признающая те же, что и весь коллектив, эстетические принци-

с концепцией режиссера? Разумеется, может. Но не из амбиции или упрямства, не побуждаемый инстинктом самозащиты, а лишь твердо убежденный, что таким образом можно глубже, всестороннее раскрыть идею, мысль, подтекст спектакля. Я не думаю, что серьезный, ищущий режиссер в таком случае не пересмотрит свою концепцию. Я даже убежден, что хороший режиссер своей диктатурой не только не нивелирует индивидуальность актера, но еще больше подчеркивает ее.

К АК актер, не могу удержаться от высказывания по поводу «нашего хлеба насущного», по поводу драматургии. Почему-то измельчали, посерели наши герои. Пьесы появляются без живых, глубоких мыслящих, постоянно ищущих, решающих важные житейские проблемы людей. Мысли или проблемы, высказываемые и обсуждаемые за столом или в кафе, возможно, интересны и важны для определенного кружка людей, но обязательно выносятся их на сцену? Сценическое искусство — искусство большой силы, большого воздействия. В театре зритель должен удивляться, задумываться. Театр должен вывести зрителя на дорогу, идя по которой он может найти решение той или иной проблемы. Наша жизнь большая, содержательная и сложная, поэтому нечего засорять ее бытовыми мелочами, хихиканьем или похотываньем. Мы и так уже отучили зрителя от хорошего смеха. Ему неинтересно видеть на сцене тех же людей, которых он случайно встречает ежедневно на улице, которые его не восхищают и не возмущают, к которым он не испытывает симпатии или отвращения, любви или ненависти. В сценических героях зритель должен узнавать свое будущее, свой идеал. Если этого нет, тогда трудно его убедить, что театр — это нечто значительное, что это «храм искусства».

Мы, актеры, с благодарностью вспоминаем спектакли и фильмы, драматургия которых не одному из нас помогла прославиться. С какой любовью и гордостью я вспоминаю, например, своего Давыдова, который явился значительным этапом в моей творческой биографии. На создание таких образов, как Давыдов, Павел Корчагин, Вайткус или Ладейников, не жалны времени, ни бессонных ночей, ни сил. А Гойя? Это была для меня целая школа, целая энциклопедия киноискусства. И как мне жаль актеров, их времени, их усилий, их нервов, наконец, когда я смотрю серый и неглубокий фильм или спектакль.

Все, высказанное в адрес театральной драматургии, относится и к кино. Меня очень тревожит нынешнее положение на Литовской киностудии, где я родился как киноактер и получил первое признание. В последнее время, к сожалению, я очень редкий гость в ее павильонах. В основном по той причине, что другие студии предлагают более интересные работы. Новые литовские фильмы (за исключением нескольких) какие-то неглубокие, без яркой авторской мысли, без четкой позиции. Порой любешься удачным кадром, отличной операторской работой, но нет цельности, не можешь уловить основной мысли произведения. Правда, авторы (все они мои добрые знакомые) пытаются мне разъяснить на словах эту мысль, но я... предположил бы сам понять ее, просматривая фильм...

МЫ, АКТЕРЫ, граждане нашего великого государства, должны чувствовать пульс интересной и сложной жизни. Мы хотим, чтобы в год празднования 50-летия образования Советского Союза были не только произведены материальные ценности, совершены трудовые подвиги, но и созданы великие духовные богатства.

О
ЛЮБИМОЙ
ПРОФЕССИИ

Донатас
БАНИОНИС

АКТЕРСКИЕ
БУДНИ,
АКТЕРСКИЕ
ПРАЗДНИКИ

порой случаются на съемочной площадке, что может возникнуть закономерный вопрос: так почему же я соглашаюсь сниматься? Да потому, что я никогда не откажусь от возможности выразить перед большой аудиторией, перед миллионным зрителем свое творческое «я», свое отношение к жизни. А неполадки? Что ж, это преходящее, устранимое явление.

МНЕ понравилась мысль видного польского театрального деятеля и режиссера Адама Ханушевича о том, что мы не можем запланировать яркие индивидуальности, однако можем создать условия, позволяющие понастоящему способным людям родиться для театра. Эти условия должна создавать школа, дающая теоретические профессиональные знания, и коллектив театра, который является подлинным учителем и воспитателем актера. Я специально подчеркиваю вторую часть фразы, так как она полностью соответствует практике нашего театра.

В Паневежском театре нет актеров, которые не были бы подготовлены в его стенах. Театр всегда искал смену и пополнение в школах, на предпринятиях, в самостоятельных коллективах города. Молодым талантливым людям помогали ознакомиться с работой театра, его стремлениями, войти в коллектив актеров, работать, а наиболее способным — закрепиться в труппе. В существующей при театре драматической студии молодые люди знакомятся не только с теми дисциплинами, которые обычно преподаются в школах, но и с антропологией,

Актер — мастер коллективного искусства, поэтому очень важно, чтобы он с первого шага на сцене слился с коллективом.

Я не знаю, согласятся ли со мной мои коллеги. Но я твердо убежден, что театр, как и фильм, начинается с режиссера, с его индивидуальности, с его культуры и интеллекта. Режиссер — диктатор спектакля (и фильма). На эту должность может претендовать только компетентный, хорошо подготовленный профессионально, высококультурный человек с недюжинным интеллектом, умеющий направить актера на плодотворную работу, умеющий подчинить его своим творческим замыслам. Иначе он только скомпрометирует себя в глазах актера, и больше ничего. Режиссер должен определять лицо театра. Я не вижу ничего плохого, не вижу в этом никакой культуры, когда слышу: «Театр Товстоногова», «Театр Завадского», «Театр Любимова», «Театр Мильнинса». Коль режиссер-художник доказал право иметь свой театр, почему бы ему не воспользоваться этим правом? Ведь никто не удивляется, когда мы говорим: «Театр Станиславского», «Театр Вахтангова», «Театр Рейнхардта»...

Итак, я — за диктатуру в театре, ибо думаю, что спектакль должен иметь одного дирижера, без которого даже отличные музыканты, если они будут играть каждый на своей лад, не исполнят симфонии. Режиссеру должны быть подчинены все элементы, из которых состоит театр. «А как тогда с индивидуальностью актера?» — спросят меня. — Ведь актер может не согласиться